

Рамаз
Чхиквадзе

5/III-88

Молодежь. Грузия
г. Тбилиси

5 MAR 1988

Юбилей. Дебют. Выставки.

Рамазу ЧХИКВАДЗЕ — 60 лет

«...И ТВОРЧЕСТВО, И ЧУДОТВОРСТВО»

«КОРОЛЬ КАВКАЗА», «Грузинский Лоуренс Оливье», «Несравненный и бесподобный» — сколько еще восторженных сравнений и эпитетов из газет мира можно было бы привести, говоря о Рамазе Чхиквадзе. Его мировая слава началась после Эдинбургского фестиваля и гастролей театра имени Ш. Руставели в Лондоне 1980 года, и с того времени его Аздаку и Ричарду III рукоплескали столько стран! Сейчас к этим двум «коронным» ролям прибавилась роль еще одной коронованной особы — короля Лира. «Нет пророка в своем отечестве» — эта справедливая сентенция в данном случае не годится. Ибо Рамаза Чхиквадзе для Грузии «открыли» не пышные восхваления мировых знаменитостей, а он сам, его роли на руставелевской сцене, которой он отдал всю жизнь. Европа, страны Америки, Австралии открыли его только для себя, а для нас, его соотечественников, это было лишь приятным подтверждением бесспорной истины.

В чем притягательная сила этого артиста? Наверное, в обаянии его таланта — праздничного, искрящегося, солнечного. Чхиквадзе умеет даже в самой драматичной сценической ситуации создать у зрителя ощущение радостной легкости творчества. В его работе «бремя страстей человеческих» не тягостно. Они предстают на сцене во всей своей глубине и силе, являя собой законченное произведение мастера, очищенные от актерского пота и натуги. В артисте пленяет эта полная раскованность, легкость, неподдельное удовольствие, с которым он работает. Работает, выкладываясь до конца. На сцене беречь себя он не умеет.

Как-то мне довелось присутствовать на съемках «Кавказского мелового круга» для английского телевидения. Шла финальная сцена, где Аздак — Чхиквадзе решал судьбу ребенка. Как всегда бывает на съемках, сцену повторили много раз. За это время англичане, помоему, успели выучить наизусть не только мизансцены, но и текст. В этой ситуации обычно наступает какая-то автоматичность в актерской игре. Актеры, как правило, выглядят с каждым повтором суше и бледнее, утрачивая первозданность эмоций. Но смотреть на Рамаза Чхиквадзе было истинным удовольствием. Здесь видна была та степень мастерства и полного владения материалом роли, когда актер сливается с образом, «купается» в роли. Он и в четвертый раз начинал сцену с первоначальным эмоциональным накалом, но вел роль каждый раз иначе, находя не просто новые интонации и жесты, а играя иное состояние духа, нюансы настроения. Он с блеском отыгрывал даже не существующие реакции своих партнеров, он виртуозно импровизировал...

Способность к импровизации — другая особенность таланта Чхиквадзе. Вот что пишет об этом актере М. И. Туманишвили:

«Рамаз Чхиквадзе — актер исключительно обаятельный. От природы он на-

делен богатейшим воображением, интуицией и способностью сочинять самые невероятные актерские приспособления. Импровизация — его стихия. Здесь он царствует. Над ролью он работает радостно (если, конечно, роль ему нравится), но как бы шутя, чуть-чуть валяя дурака. На репетиции вокруг него возникает атмосфера непринужденности, он и других заражает своим азартом. Рамаз лепит разнообразные характеры с удовольствием жадного, насыщенного художника. Он свободно пользуется всем: темой, текстом, мелодией, балагурством. Актерская природа будто нетерпеливо изнутри тербит его и подталкивает к острому, необычному решению. Трудно сказать, что он больше любит — музыку или театр, оба искусства органично сливаются в нем. Мне кажется, что Рамаз не «видит» образ, но всегда «слышит» его. Он находит для образа мелодию — камертон и подчиняет ей душу и тело. Так было во время работы над Леандром в «Испанском священнике», так было и в «Чинтраке», и во всех других спектаклях. Роль Визиря в «Чинтраке» явилась началом как бы второго этапа творческого пути Рамаза Чхиквадзе. Дальше он шел уже без меня — мы разошлись. Началось его восхождение к славе... Мы были уже не молоды, когда ставили «Чинтраку», но те времена для Рамаза остались его актерской молодостью...

Рамаз Чхиквадзе в роли Визиря был достойным партнером Серго Закарнадзе. При всем своем огромном уважении и любви к Серго Рамаз оказывал ему стойкое сопротивление в сорев-

новании. На каждую остроумную выдумку Рамаз тут же сочинял еще более оригинальный ответ. Вначале Серго опешил, даже слегка растерялся, но скоро понял, что это — соревнование творческой фантазии, которое может дать интереснейшие результаты. И он азартно включился в «борьбу». Эти репетиции стали незабываемыми «концертами» двух талантливых актеров, праздником и торжеством актерского искусства в каких-то самых изначальных его истоках. И потом, сколько бы раз ни играли Серго и Рамаз в «Чинтраке», это всегда был фейерверк веселой выдумки, театральных шалостей. Серго был счастлив, восхищался своим партнером. Сколько раз я слышал от него:

— Этот сукин сын Рамаз выкидывает такие фокусы, что я чуть было не растерялся. Молодец!

Постепенно актеры настолько овладели техникой этой игры, что счастливее их, кажется, не было никого на свете. Они, как дети и как поэты-сказочники, сочиняли свои картинки, смешные, грустные и очень современные.

Таким «поэтом-сказочником», необычайно тонко чувствующим современность, остался Чхиквадзе уже навсегда — таков он во всех своих театральных и кино-ролях.

Именно в спектаклях Туманишвили артист нашел свое подлинное актерское лицо, с них начался тот Чхиквадзе, которого мы знаем теперь.

— Я навсегда благодарен М. И. Туманишвили, — признавался Рамаз Григорьевич, — это он разглядел во мне черты характерного актера. Ведь начинал я в те-

атре, как ни странно, с «голубых» героев. И если бы это продолжилось, результат, я думаю, был бы весьма плачевным. В спектаклях Туманишвили «Испанский священник», «В добрый час!», «Сон в летнюю ночь» я впервые нашел себя. Но самой значительной для меня была роль Визиря в «Чинтраке» — с нее и надо начинать отсчет. Еще одна поворотная роль — Кваркваре, это уже с Р. Стурра. Из нее потом родились Аздак, Ричард и все последующие роли.

Рождение роли. У каждого мастера свой подход и свои тайны. Впрочем, Рамаз Чхиквадзе не окружает этот период ореолом таинственности и магических самопогружений. Во всяком случае, никого не делает свидетелем «мук творчества», нещадно иронизирует над «муками». Для него творчество рождается из радости. Он должен чувствовать себя счастливым перед работой. И в этом нет никакой бравады, нет желания показать, что ему все легко. Я думаю, и любому художнику это необходимо для внутренней раскрепощенности, попросту, чтоб отогнать страх и неуверенность. Робость — плохой союзник в любой работе.

Мне помнятся многие репетиции его последних ролей. Да, был и каскад острых словечек, и заразительная приподнятость, и видимость легкости актерского труда. Но каждый момент его репетиций был предельно наполнен творчеством — ни одной «просто так» сказанной фразы, ни одного вскользь брошенного слова. Он работал с легкостью виртуоза, отзывался на каждое предложение режиссера, моментально перестраива-

ясь, тут же пробовал его в действии. И каждый из вариантов был совершенен по исполнению.

Сколько шуток, юмора было в начальный период работы над ролью старого режиссера в «Вариациях на современную тему». Чхиквадзе играл его несколько чудаковатым и старомодным, порой сварливым и упрямым, не лишенным высокопарности и позы и вместе с тем наделенным благородством, наивностью мудреца.

Как артист примеривался к задуманному образу, искал приспособления черточек характера, говорил старческим надтреснутым голосом, патетически доказывая что-то, вдруг начинал шамкать, — во всем этом была такая точность мелких бытовых узнаваний, такая непосредственность, что, казалось, этого человека мы где-то видели.

Какой каскад импровизаций, неожиданных ходов и озорных розыгрышей преподносил Чхиквадзе на репетициях «Судного дня». В первых сценах появления Гитлера Чхиквадзе играл его недотепой — недорослем: спотыкаясь и соскальзывая, он не в состоянии преодолеть и несколько ступенек огромной лестницы, ведущей к помосту властителей. Его, как нашкодившего котенка, брали за шиворот и отдирали от лестницы, и вдруг он, безвольно обвисая, почти выскальзывает из рук блюстителей порядка, так, что его приходится оттащить волоком, как куля с мякиной. А три пантомимических встречи Гитлера с Канцлером — Чхиквадзе осторожными шажками поднимается на самый верх: заискивающее вытирание ног у воображаемой двери, подобострастный стук и смиренный уход при виде указующего на дверь перста. Второе восхождение более умеренное: решительный стук в дверь, «разговор» на равных. И откровенно наглое третье восхождение: он взлетает наверх, небрежно открывает ногой дверь, не замечая подобострастно согбенной фигуры и протянутой навстречу руки Канцлера, проходит мимо и плюхается в его кресло.

Лишь на репетициях «Короля Лира» Чхиквадзе бывал серьезен и сосредоточен. Все внешнее казалось тут неуместным и ненужным. Актер открывал для себя и для нас сложнейшую внутреннюю логику характера и поведения своего героя, отыскивая с режиссером самый верный, единственный вариант...

Но и с выпуском спектакля работа над ролью для него не кончается. Обычно после премьеры только и начинается раскатка спектакля. «Я ненавижу первые десять спектаклей. Ты еще мучительно связываешь концы с концами, а тебя уже судят как за готовую работу. Я убежден, что спектакль, как и роль, в конечном итоге, делается на зрителе».

...Громкая слава, успех, любовь зрителей — все это есть, у Рамаза Чхиквадзе. Но ни один человек не живет уже достигнутым. Удел художника — стремление к недостижимому в творчестве и в себе.

В. ЦЕРЕТЕЛИ.

Фото А. Саакова.

